

Моск. правд. - 1994 - 16 авг. - с. 8.

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

«Секретный» Чайковский

Прошлый год был годом 100-летия со дня смерти Петра Ильича Чайковского. Естественно, дата эта отмечена рядом публикаций. Среди них и исследование Александра Познанского, нашего соотечественника, ныне живущего в Америке и работающего в Йельском университете. Под названием «Самоубийство Чайковского: миф и реальность» оно издано под эгидой московского журнала «Глагол» (N 17).

Автора книги занимает не творчество композитора, а его биография. И уже одно это смущало на подступах к чтению. Не хотелось, чтобы личность Чайковского, которая столь полно отразилась в его великой музыке, подверглась какой бы то ни было коррекции. Особенно в психоаналитическом духе, который постепенно проникает и в отечественное искусствознание. Если угодно, не хотелось разрушения романтизированного образа, краха мифа, легенды, тянуло закрыться пушкинской мыслью: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Вспоминалось также и высказывание Чехова, что, когда он читает книгу, ему нет дела до того, как писатель ест, пьет, спит, играет в карты, ходит в засаленном халате, ибо все бледнеет перед книгами.

То есть Чехов полагал, что контакт писателя с читателем естественно поддерживать только через книги. То же, наверное, можно было бы отнести и к музыканту, живописцу и т.д. П.И. Чайковский писал Н.Ф. фон Мекк: «Мне невыносимо не то, что про меня и тут говорят небылицы, а то, что мной занимаются, что на меня указывают, что я могу быть предметом не только музыкально-критических обсуждений, но и простых сплетен». Но уже и Чехова, современника Чайковского, не обошло стороной новейшее литературоведение с его дотошным интересом к интимным подробностям частной жизни, с его жадной сокрушать легенды и мифы. Этому свидетельства хотя бы публикации в ставшем скандальным номере «Литературного обозрения» и в одном из недавних выпусков «Вопросов литературы».

Все больше версий такого рода, принадлежащих зарубежным авторам, переводится у нас. Так что проблема с жизнеописанием существует. Если учесть, что небеллетризованных биографий известных личностей у нас не густо, как, впрочем, и беллетризованных. Проблема сложна в научном и моральном плане, особенно если исследователю приходится касаться потаенных сторон личной жизни художника, на которые было наложено многолетнее табу. К моральному аспекту особенно чуток постсоветский читатель.

Как ни противны были запреты идеологические, но по большому счету культура понималась в обществе как система запретов, нравственных, эстетических прежде всего. Ведь можно сколько угодно клеймить «совков» за ханжество, за неумение на западный манер открыто обсуждать вопросы психосексуальности кого бы то ни было, тем паче тех, кого в России почитают национальными гениями, а все-таки нельзя не признать одной очевидности. В этом стремлении удержаться от публичного чесания языков о чужое сокровенное есть некая частичка менталитета, свойственного русским. С этой точки зрения весьма характерна концовка давнего анекдота о людях искусства гомосексуальной ориентации: но мы их любим не только за это.

Кстати говоря, Познанский - словно бы в параллель - подмечает черту западной ментальности, которую я, к примеру, смутно ощущала, но не могла выразить. Познанский формулирует так: «Архитипически упрощенная реакция западного интеллекта на постулируемый им «достоевский» характер «русской души», на более объемно отразившийся именно в идиоме «Mad Russian». Так что каждому, как говорится, свое.

Видимо, поэтому так живуча оказалась на Западе занесенная сюда эмигрировавшей из России Александрой Орловой версия о «тайне жизни и смерти» Чайковского. Ведь эта версия самоубийства композитора (а не трагедии смерти его в результате заболевания холерой, когда творческие силы композитора и слава его были в зените) как нельзя лучше удовлетворяет желанию западного читателя увидеть в Чайковском эксцентричного и «сумасшедшего» русского, способного на самый неожиданный шаг в той далекой и «полудивилизованной» стране, в которой совершаются такие варварские поступки, как убийство любимого композитора путем средневековых судов чести.

Сенсационная версия Орловой, обнародованная ею в 80-х годах в ряде зарубежных изданий на русском и английском языках, вкратце сводится к следующему: страх разоблачения за «аномальные» сексуальные вкусы сопровождал Чайковского всю его жизнь и привел к трагической смерти. Во избежание назревающего скандала с сыном некоего графа, композитор был присужден к самоубийству своими бывшими одноклассниками по Училищу правоведения на «суде чести», так как честь правоведческого мундира ставилась ими превыше всего. Версия о смерти от холеры была придумана братом композитора Модестом и лечившими его врачами, чтобы скрыть этот скандал.

Собственно, книга А. Познанского и посвящена последовательному опровержению версии музыковеда Орловой. В его распоряжении находились мемуарные и эпистолярные источники, редкие архивные материалы, часть которых была недоступна в Советском Союзе. Автор подробно останавливается на гомосексуальной психологии некоторой части русского общества в эпоху, когда жил композитор. В том, как исследователь излагает свои наблюдения и выводы, отчетлива историческая достоверность, непредвзятость и мера такта, способная удовлетворить самого чуткого читателя.

Композитор Валерий Соколов, автор публикации «До и после трагедии. Смерть П.И. Чайковского в документах» («Знамя», 1993, N 11), полагает, что историк А. Познанский сыграл большую роль в доказательстве отсутствия мотивов для самоубийства композитора. К сожалению, с родины Чайковского, где хранится большинство документов, не последовало ни одного возражения А. Орловой, прежде всего потому, что советские ученые не имели права гласно обсуждать эту версию из-за запретности ее стержневого звена. Хотя ненаучность, недокumentальность, «сказочность» фантазии Орловой очевидны.

И еще одну книгу хотелось бы здесь упомянуть. Это репринт издания «Дневников П.И. Чайковского. 1873-1891» (СПб., «Эго», «Северный олень», 1993). И снова вопрос о создаваемых каждой эпохой мифах и реальности. Современный взгляд различает на страницах дневника избыток энергии и праздничность натуры писавшего, ощущение вечной молодости и мощной любви к жизни, по всему Божьему миру. Автор предисловия к изданию 1923 года (с которого сделан репринт) особую ценность дневников видит в том, что они красноречиво рисуют эпоху черной политической реакции, эпоху тяжелых разочарований русского общества, обманутого царизмом в его лучших надеждах, эпоху «малых дел», ничтожных устремлений, обстановку общественного маразма. Делать сравнения предоставляю читателям.

А что касается секретов, загадок... Каждый великий творец уносит с собой загадку личности и творчества. Разгадывать - потомкам.

Т. СЕРГЕЕВА.

238